Диана Вран

Волны любви. Маленькие семейные истории

Диана Вран

Волны любви. Маленькие семейные истории

«Автор»
2024

Вран Д.

Волны любви. Маленькие семейные истории / Д. Вран — «Автор», 2024

Успешный промышленник Хайнрихъ Риггерт создает и развивает свой бизнес ради сыновей в надежде, что они продолжат его дело. Но надежды не оправдываются. Старший сын Андреас винит отца в смерти матери и отдаляется от него. Младший Вальтер уводит у отца невесту. Пути сыновей и отца расходятся на многие годы. И только внуку, отвергнутому дедом еще до его рождения, удастся воссоединить семью.

© Вран Д., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Горький мёд 6
Дядька Черномор 13
Сушеный тритон 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Диана Вран
Волны любви. Маленькие семейные истории

Горький мёд

– Эй, Гусь! Тормози! Иди сюда, поговорим! Гаденыш! И ухом не ведет! Ну-ка, Михей, разверни его.

Михей, Мишка Комаров, с готовностью бросился исполнять приказ вожака. Он догнал Гуся, схватил его за шиворот и попытался тащить назад. Гусь вырвался из его рук, развернулся, в развороте задев обидчика рюкзаком по носу, и пошел в сторону Гвоздя с высоко поднятой головой. За эту привычку задирать голову и еще не отзываться на всякие обидные прозвища и клички, в чем окружающие усматривали гордыню и снобизм, Генка и получил прозвище Гусь.

Гвоздь с улыбочкой наблюдал приближение Гуся. Когда тот подошел, остановился и в упор и даже дерзко посмотрел на противника, Гвоздь сорвал с него рюкзак, по-взрослому висевший на одном плече, бросил его на асфальт и придавил ногой.

– Ну, что? Давай рассказывай, что ты там наплел Сергачу, что у тебя отец живет в Германии?

Генка старался не поддерживать разговоры о родителях с посторонними. И Сережке Гельцеру он проболтался случайно. Они налетели друг на друга на перемене в дверях столовой и здорово припечатались лбами. Гельцер сразу полез в драку, а Генка отбивался от него рюкзаком и этим привлек к нему Сережкино внимание.

– Откуда у тебя такой отбойный рюкзачок?

Генка усмотрел в этом вопросе намек на примирение и, не подумав, ляпнул:

– Папа прислал из Германии.

Но сейчас с Гвозданутым типом, уверенным в своей силе, совсем не нужно бы быть откровенным, если бы был выбор. Конечно, можно рискнуть и для начала попробовать озвучить очень классную бабушкину отговорку:

– Нельзя с чужими людьми обсуждать своих родных. Это табу.

Но это не тот случай. Для Гвоздя не существовало ни правил, ни норм. И Генка спокойно ответил:

– Да, мой папа живет в Германии.

– Ха-ха, и что он там делает? Собирает по улицам какашки за немецкими собачками или унитазы туркам чистит?

– Мой папа строит заводы.

– Какие заводы? Нет у тебя никакого папы! А мать твоя вообще потаскушка. Ездит по заграницам валюту зарабатывать.

Пока свора Гвоздя ржала, Генка напрягся, собрал всю силу и волю в кулак и с яростью ударил им Гвоздя снизу в подбородок. Потом подхватил рюкзак и помчался в сторону дома. Он бежал и ненавидел и презирал себя. За то, что так позорно покинул поле боя.

Погони не было. Скорее всего Гвоздь прикусил от удара язык, на что и был рассчитан приемчик, и от боли не смог вовремя отдать приказ догнать и ощипать Гуся.

Когда впереди замаячил голубой угол родного дома, Генка сбавил бег, постепенно перейдя на шаг. Он шел и быстро-быстро бормотал:

– Alles gut! Alles gut! Alles gut!

Этому упражнению его научила мама. Как она объяснила, на первом слоге легкие наполнялись воздухом, на втором слоге происходил выдох. Дыхание выравнивалось, сердце переставало биться о ребра, кровь отливала от головы.

Генка пришел домой почти спокойным. Только зверский аппетит никак не хотел отпускать. Прямо хоть не переодеваясь, беги на кухню и сметай все подряд с плиты, не ощущая вкуса! Если бы не железная воля…

Он внимательно осмотрел рюкзак. Следа ноги Гвоздя на нем не осталось. Но все равно Генка аккуратно протер его со всех сторон влажной салфеткой. А вот рука пострадала. На двух костяшках кожа оказалась немного содрана и теперь начала саднить. Пришлось как следует промыть руку с мылом холодной водой, а потом еще помазать раствором борной кислоты по примеру мамы.

После этого он прошел в свою комнату, переоделся и только потом разрешил себе пообедать. Аппетит хоть и затих немного, но все равно не обошлось без двух тарелок супа.

Вечером он позвонил Артему и предложил завтра сходить в кино в ближний кинотеатр на новый американский боевик. Артем с радостью согласился и тут же побежал спрашивать разрешения у отца. Вовка разрешил и даже обещал заехать за ними в гимназию и довезти до кинотеатра и даже купить им билеты и дать деньги на буфет. Йес-бес-перевес! Это же значит, что потом брат заберет их после сеанса и довезет до самого дома. Фикушки тебе, Гвоздь! Генка умел планировать свою жизнь и немножечко жизнь других. Правда, бабушка называла это умение словом «манипулировать», и как он выяснил с помощью словарей, не совсем безобидным словом. Ну, и что же, если у него к этому талант? Мама же сказала, что у каждого человека есть какой-нибудь талант. Только не каждый умеет им пользоваться.

На другой день он пригласил в кино еще двух своих приятелей-одноклассников, живших с ним в одном дворе. Генка посчитал, что Вовка не обеднеет от такой нагрузки, а будет артачиться – сам купит друзьям билеты на свои деньги и угостит их бургерами в буфете. Деньги у него были всегда.

Вовка только посмеялся, взглянув на ватагу любителей кино:

– Ого, да у нас коллективный выход в кино! Ваша Нина Алексеевна может записать себе в актив внеклассное мероприятие.

Мальчишки вприпрыжку бежали к машине. С тыла их прикрывала широкая Вовкина спина. Что у Генки такой взрослый брат, знали не только в гимназии, но и в соседней через дорогу средней школе, где учился Гвоздь. Толкаясь и повизгивая, киноманы залезли в новенькую блестящую машину, шумно устраивались каждый на своем месте. Генка посмотрел в заднее стекло и увидел у дальнего угла гимназической ограды Гвоздя с его свитой. Вдруг захотелось показать им язык. Но природная мудрость, впитавшаяся с молоком чересчур взрослой матери, не позволила ему сделать это: вряд ли Гвоздь увидит дразнилку, все-таки приличное расстояние, это во-первых, во-вторых, жест какой-то сомнительный. Как-будто радостная гримаса труса, удачно избежавшего сегодня своего мучителя. Генка трусом не был. Хотя у него, как у любого девятилетнего мальчика, были свои страшилки, которых он боялся. Но он знал, что если со страхом встретиться один на один, страх сам испугается и исчезнет. И только одна страшилка никак ему не поддавалась.

Однажды он услышал как директор гимназии за что-то отчитывал мальчика из старшего класса и в заключении сказал:

– Я всё сказал, Игнатенко. Завтра придешь в гимназию с отцом. Или можешь совсем не приходить. Мы тебя исключим, и будешь учиться в школе через дорогу.

Гена страшно перепугался. Вдруг он по неосторожности совершит плохой поступок и ему тоже скажут такое и потребуют привести с собой отца? Где же он его возьмет? Объявить во всеуслышание, что у него нет отца, он не мог. Он же у него есть! Только где он? Страх услышать когда-нибудь «Приходи с отцом!» всегда был с ним. Поэтому он старался хорошо учиться и не поддаваться на провокации. Как же ему, маленькому, было догадаться, что директор гимназии знает о его беде!

Вечером после кино, уже приготовившись ко сну, он передумал ложиться в постель. Достал из тайника заветную тетрадку, сел за стол и стал писать:

– Привет, папа! Я давно не писал тебе. Сегодня был хороший день. Я хочу тебе рассказать…

Генка был приверженцем краткости и всегда укладывался в определенный с самого начала объем письма. Когда страница была заполнена на две трети, он поставил точку, подумал немного и на оборотной стороне переписал все слово в слово уже на немецком языке.

***

Сегодня Елена вернулась с работы поздно. Неделю назад поступила новая документация и ее нужно было срочно перевести на русский.

Она никогда не отказывалась от подработки, чтобы обеспечить себя и сына всем необходимым и даже сверх того и не уронить себя ни в чем в глазах, нет, не коллег или друзей, они тоже все были нищебродами и жили от зарплаты до зарплаты, а родственников бывшего мужа, старшего сына и, конечно, Вальтера. У нее была прекрасно обставленная большая квартира, она хорошо одевалась, следила за своей внешностью и фигурой, сын учился в престижной гимназии, в музыкальной школе и занимался в разных кружках и секциях. Но имидж стоил денег. Хотя надрываться совсем не было нужды. Она вообще могла бы уже не работать.

У нее был валютный счет в банке, куда ежемесячно вот уже пять лет Вальтер переводил деньги для нее и для сына. Не говоря уже о подарках, получаемых от него в поездках, и о полном содержании там за его счет. Вальтер оказался нетипично щедрым для немца. Но она, гордячка, только в крайнем случае обращалась к секретному счету. Каждый раз перед поездкой к нему она шла в банк и заказывала выписку со счета, а потом демонстративно вручала ему ее, непременно прикладывая чеки, если случались траты.

Первым делом Елена прошла в комнату сына. Генрих сидел за столом и спал, уронив голову на свою заветную тетрадку. Она осторожно перенесла его в кровать. Мальчик всегда спал очень крепко, и ее суета не потревожила его сон. Елена прочитала то, что написал сын, взгрустнула, закрыла тетрадь и убрала в тайник – на полку книжного шкафа за двойную стенку, которую сын соорудил сам из сосновой доски, разукрасив ее выемчатой резьбой. Ради этой доски он самостоятельно записался в кружок резьбы по дереву в центре внешкольной работы и был счастлив до тех пор, пока доска не приобрела завершенный вид. После этого интерес к занятиям в кружке пропал и он о нем забыл.

Мать подошла к кровати, взяла в свои ладони руку сына, прикоснулась губами к ссадинам на двух пальчиках с внешней стороны и несколько раз прошептала:

– Прости меня, сынок!

Маленькая ручка сына обещала вырасти такой же красивой как у отца. Мягкой и теплой.

Мягкие и теплые руки Вальтера когда-то свели ее с ума. А еще стального цвета глаза. Когда он смеялся или просто был в хорошем настроении, они искрились голубыми огоньками.

***

Однажды пять лет назад она осознала, что ей надоели бесконечные требования и мольбы Вальтера увидеться с ней и с сыном и согласилась приехать к нему. Она ни на что не рассчитывала, ему тоже ничего не обещала, а ехала просто отдохнуть. Так и сказала в коротком телефонном разговоре и еще попросила, чтобы он нашел для встречи не очень многолюдное, может быть, даже уединенное место. Ей нужен был отдых.

Сыну скоро исполнится четыре года, и все это время она крутилась как белка в колесе. Хваталась за любую работу, чтобы оплачивать няню и содержать большую квартиру. О себе тоже не забывала. Следила за модой, бегала по театрам и концертам, успевала заглянуть к подружкам на вечеринки. Все это была суета, а ей вдруг захотелось покоя и тишины. Чтобы ни о чем не думать, не заботиться о хлебе насущном. Наверное, это давал знать о себе возраст.

Вальтер назначил ей встречу в аэропорту Гамбурга. Она удивилась и немного встревожилась. Но зацикливаться на этом не стала, подумав, что ее ждет маленький уютный домик на побережье Балтики.

По прибытии она немного задержалась в зале прилета, решив проверить все ли у нее в порядке с прической и макияжем, и когда вышла в общий зал, все прилетевшие вместе с ней и их встречающие разошлись. И она сразу увидела Вальтера. Сердце вздрогнуло, губы непроизвольно начали расплываться в улыбке и остановились на полпути. Что-то было не так. Вальтер стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину, закрытый на все замки. Вспомнилось мамимо «недобитый фашист». Именно так изображали немецких офицеров в советских фильмах о Великой Отечественной войне перед толпой приготовленных к расстрелу пленных или партизан.

Елена шла к нему и ей казалось, что с каждым шагом она как-будто погружается в ледяные волны Балтийского моря в декабре месяце. Таким холодом веяло от всего его облика и взгляда. Он сухо приветствовал ее «Добрый день!», взял у нее чемодан и пошел к выходу.

Они приехали в какой-то кемпинг в лесной зоне недалеко от моря. Вальтер проводил ее в номер.

– Отдыхай. Через полчаса тебе в номер принесут обед. Об ужине позаботься, пожалуйста, сама. К семи часам. Я вернусь в семь. Чемодан не разбирай. Мы здесь только на одну ночь.

И уехал.

Елена в растерянности присела на кровать.

«Вот значит как! Тридцатилетний мальчик, которым я вертела, как хотела, превратился в мужчину? Ну, что же, посмотрим, что будет дальше».

После обеда она в размышлении прогулялась по территории кемпинга. В середине недели здесь было пустынно. На парковке стояло три машины и несколько велосипедов. Возможно, это вообще транспорт персонала. Мыслям ничто не мешало. Доносившийся из-за деревьев шум моря успокаивал. Собираясь встретиться с Вальтером после долгой разлуки, она побаивалась, что ее снова как когда-то затянет любовная лихорадка. Поэтому заранее прокрутила в голове несколько вариантов поведения. На всякий случай. Но сегодняшняя непредсказуемая реакция Вальтера на ее появление разбила все козыри, которые она собиралась бросать ему в лицо. Радовало лишь то, что он выполнил просьбу насчет уединенного места. Хотя, это, кажется, не конечный пункт? Как он сказал? На одну ночь? В маленьком кафе на подъезде к кемпингу она выпила чашку кофе и заказала ужин. Ей долго не удавалось определиться с выбором меню. Кто знает, может, у Вальтера теперь и пищевые пристрастия изменились? Когда с этим было все-таки покончено, она купила в баре бутылку сухого итальянского вина. «Если он не будет пить, напьюсь сама. Пусть будет ему такой подарочек».

Ночью он не давал ей спать, все никак не мог насытиться ею. Когда Елена сообразила, что он напился каких-то стимуляторов и явно перебрал с дозой или эффект усилили два выпитых бокала вина, ей стало страшно. «Умрет к черту на мне от разрыва сердца. Вот будет анекдот! Нет, не анекдот, а страшная месть за то, что я ушла от него четыре года назад и отлучила от сына. Кстати, а ведь на днях будет как раз четыре года! Угораздило же меня!». Но все закончилось благополучно. Если не считать, что у нее заболела спина и сводило судорогой мышцу на одной ноге. Вальтер вырубился и крепко спал. А к ней сон не шел. Она вообще плохо спала последнее время.

Сквозь жалюзи проникал свет раннего утра, и в комнате было почти светло. Елена рассматривала лицо Вальтера и находила в нем незнакомые черточки, появившиеся за годы разлуки. Или просто не замечала их? Вот одна бровь опущена во сне чуть ниже другой. Как у сына, хотя у того и цвет и форма бровей от нее. Вот русые волосы сбегают на висок не на уголок, как ей нравилось, а на трапецию. Поэтому она отрастила сыну длинные локоны и стала подстригать его «а ля паж». Эти милые мелочи напомнили ей о сыне и непроизвольно вызвали чувство нежности к спящему рядом мужчине, которого она была готова убить полчаса назад. Она уткнулась лицом ему в грудь и задремала.

Утром Вальтер приветствовал ее так, будто они только что встретились, словно не было вчерашнего странного дня и дурацкой ночи:

– Доброе утро, любимая! Я так по тебе скучал и очень рад тебя видеть.

Она ощутила даже сквозь платье исходящее от его рук тепло и утонула в их кольце. Из головы сразу вылетели все слова, которыми она хотела «отхлестать» его за безумие минувшей ночи.

Куда они летят, она узнала только в аэропорту, когда объявили посадку. Они приземлились на Мадейре, потом еще морем плыли до острова Порту-Санту. Там недалеко от рыбацкой деревушки на побережье их ждал небольшой уютный и комфортабельный домик. Дальше все было так, словно они вместе уже много лет.

Они были внимательны и предупредительны друг с другом как супруги, изучившие привычки и смирившиеся со странностями друг друга. Он был неназойливо заботлив. Она была умеренно ласкова. Правда, первые дни он донимал ее расспросами о сыне, как растет, что ест, во что играет. Нередко эти расспросы готовы были перерасти в серьезную ссору. Но когда она сдалась и сбросила ему на телефон фотографию Генриха и несколько видеосюжетов, он успокоился и лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Он сменил заставку на телефоне на фотографию сына и часто рассматривал ее.

Три раза в неделю они ездили в Вила-Балейра, где Вальтера ждала парусная яхта с веселой зубоскалистой командой. Яхта появилась здесь через несколько дней после их прибытия на Порту-Санту и принадлежала Гаамбургскому яхт-клубу. Стало понятно почему встреча состоялась именно в Гамбурге. Вальтер уходил с ребятами в море в качестве мачтового на тренировочные заплывы. Они готовились к предстоящей любительской регате. До возвращения Вальтера Елена гуляла по городу или снимала комнату на несколько часов и пережидала самое жаркое время дня, а вечером вместе ужинали в ресторане и возвращались домой.

В свободное время она много купалась и часто уходила на прогулки к дальним холмам, кое-где поросшим дроком и полынью. И старалась укрываться от солнца. Загар так старит кожу! Но оно все равно проникало под легкое платье, широкие поля шляпы, парусиновый навес перед домиком.

В рыбацкой деревушке кроме свежевыловленных тунца и макрели и зелени можно было купить свежий вересковый мед в удобных порционных маленьких баночках. Мед был очень ароматным и имел чуть горьковатую нотку, напоминавшую вкус местных пряных трав и запах степного разнотравья, еще не успевшего сгореть под палящим июньским солнцем. Старый португалец, продававший мед, на ломаном немецком научил ее как правильно его есть и предупредил, что он может быть опасен, если не соблюдать правила. Елене очень нравилась эта горчинка и она припрятала в чемодане несколько баночек с намерением увезти их домой как законсервированную атмосферу этих дней. А еще однажды на прогулке ей пришла в голову мысль, что этот мед представляет собой вещественное воплощение ее жизни, в которой было много сладкого с примесью привнесенной извне горчинки. Своей жизнью она была в принципе довольна, потому что строила ее сама. С возрастом вопреки законам природы она стала оптимисткой. Обычно бывает наоборот.

Старичок также рассказал где растет вереск. Это было единственное место на острове в низине между двух холмов. Благодаря холмам зимняя сырость держалась там чуть дольше, чем на равнине. В один из дней она не поехала с Вальтером в город, а отправилась на вересковое поле, прихватив с собой купленную на прогулке по городу специально для этого случая небольшую книжечку со стихами Р.Л. Стивенсона на английском языке. В школьные годы ей очень нравилась его баллада в переводе Маршака «Вересковый мед». Одно время она с утра до вечера твердила:

«Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна -
Мой вересковый мед».

Теперь она сидела в окружении вереска и учила наизусть это четверостишие, чтобы продекламировать его Вальтеру, когда он вернется с моря.

Ее английский остался на уровне средней школы, и Вальтер смеялся над ее произношением и неправильной расстановкой акцентов в строках и пытался поправлять. Она не слушалась его и упорно раз за разом читала по-своему и как зачарованная следила за голубыми огоньками в его глазах.

Вальтер не сопровождал ее в прогулках по острову. Он проводил дни за компьютером со своими проектами и часто переговаривался с коллегами.

Она тоже работала. Еженедельно Елена отправляла на работу заявление о продлении отпуска за свой счет. Вместо ответа начальник отдела высылал ей материалы для переводов. Он ценил ее за безотказность и работоспособность и не давал заявлениям ход. Конструкторское бюро было на грани расформирования, как и сам завод, и контроль за явкой персонала на рабочие места был на нуле. При ней не было специальных словарей, и если попадался сложный текст, Вальтер помогал ей разобраться в терминах. А еще ради забавы учил ее писать по-немецки готическим шрифтом. Она держала ручку, а он накрывал ее руку своей мягкой и теплой ладонью и выводил похожие на орнамент старинные немецкие буквы. Она таяла от тепла его рук, от его дыхания над ухом, и ручка ее не слушалась. Вальтер, шутя, сердился и говорил:

– Лена, соберись с мыслями. Сосредоточься. Представь себе, что ты это наш сын. А я это ты. И ты учишь нашего сына писать. Имей ввиду, что если наш сын вырастет таким же как ты неучем, я предъявлю тебе иск.

Через два неполных месяца они вернулись в Гамбург и переночевали в том же кемпинге, где Вальтер оставил свою машину. Утром после завтрака он повез ее в аэропорт, но по дороге остановился перед небольшим трехэтажным офисным зданием современной постройки. Прежде чем выйти из машины, он повернулся к ней и начал говорить:

– Лена, мы сейчас пойдем к юристу и подпишем договор. По договору я буду ежемесячно высылать фиксированную сумму в евро тебе и сыну на содержание. А ты будешь обязана приезжать ко мне два раза в год в удобное для меня время.

Елена была шокирована и морально раздавлена таким финалом свидания, почувствовала себя как побитая собака или маленькая девочка, которую обманули, вручив вместо конфеты пустой фантик, но спокойно с сарказмом ответила:

– Ты покупаешь меня? Попробовал, примерил, подошло и решился на покупку?

Вальтер помолчал.

– Лена, у меня есть деньги. Мне не на что их тратить, кроме как на мою семью. Моя семья – это ты, моя любимая женщина, и наш сын.

– Твоя семья – это Лина, твоя законная жена.

– У Лины есть собственный бизнес. Она не нуждается в моих деньгах. Завтра в Москве ты сходишь в банк и откроешь валютный счет. Реквизиты счета пришлешь мне. Даю тебе на это три дня. Если первого августа я не получу реквизиты счета, я начну искать пути, чтобы отобрать у тебя сына. Я уже консультировался по этому поводу и, как меня заверили, у меня есть шансы выиграть дело. Давай выходи из машины. Нас уже ждут.

– Посмотрю, что ты там сочинил. И будь уверен, к сыну я тебя все равно ни на шаг не подпущу.

Она вышла, оставив открытой дверь, и быстро, не оглядываясь, пошла в сторону офиса. Вальтер замешкался, пока вылезал, потом закрывал машину, и ему пришлось бежать за ней вприпрыжку. Группа турок, стоявших у входа в офисное здание, расценила это как семей-

ную сцену, в которой эффектная и уверенная в себе женщина играла ведущую роль, и дружно заржала. Елена правильно поняла их реакцию и подумала: «Ну, хотя бы так отомстила!»

Уже дома, прежде чем ехать в Питер к матери за сыном, она позволила себе еще два дня одиночества на размышления. И поняла, что отлично провела время и прекрасно отдохнула. Все хорошее перевешивало все плохое. В результате у нее появилась защита и опора в лице Вальтера. Все-таки он был надежен хотя бы потому, что ему был интересен сын, и даже, может быть, он любил его. А у сына появились неплохие перспективы на будущее. Возможно, даже отличные перспективы, просто она боялась несвоевременно сглазить их. На второй день она съела прямо из баночки полчайной ложечки меда с горчинкой и пошла в банк открывать валютный счет.

***

Когда через семь лет Елена умирала в палате онкологического центра, в ее затухающем сознании вдруг всплыла ясная мысль, что она не сделала одно важное дело. Она собрала остатки сил и прошептала уже заплетающимся языком:

– Сбереги сына. Он теперь твой.

Понял ли ее Вальтер, услышал ли… Он не скрывал своего горя и рыдал как ребенок, спрятав лицо в ее, несмотря на болезнь, все еще роскошные волосы. На него наплывали волны нежности к умирающему телу любимой им женщины, и ему казалось, что он сходит с ума. Иначе как объяснить, что ее волосы вдруг стали пахнуть полынью. Она вся пахла полынью, когда возвращалась с прогулок на острове Порту-Санту. Именно там он почувствовал себя по-настоящему семейным человеком и как болван радовался простым вещам, составляющим семейный уклад благополучной супружеской пары. Потом нигде вместе с ней ему не было так хорошо, как на Порту-Санту. Он вдыхал аромат ее волос и не мог им надышаться. Пытался запомнить его до конца своих дней. Ведь он никогда больше его не почувствует, даже если будет каждый день летать на Порту-Санту. В полынном букете уже не будет примеси аромата ее нагретой на солнце кожи. И вкуса меда с горчинкой на губах.

Дядька Черномор

… Фильм-сказка о царе Салтане поразил меня сценой выхода из морской пучины дядьки Черномора и его богатырей. Она долго преследовала меня в снах и одинокими осенними вечерами, когда мама оставляла меня с няней, а сама убегала на какую-нибудь модную постановку очередного гениального режиссера. Я грезил и представлял себе как огромная волна накроет наш город и, отступив, выбросит к моим ногам моего папу, моего Черномора.

В пять лет мама повезла меня к Черному морю. Часами, как заворожённый, я всматривался в морскую даль из окна номера пансионата, где мы жили, и ждал. Ждал, когда же придет большая волна, чтобы сорваться и бежать на пляж встречать ее. Море было спокойное и какое-то ленивое. Из окна десятого этажа волны казались просто мелкой рябью. Я понимал, что в таких волнах никак не укрыться Черномору.

Я подкараулил в холле девушку из служащих пансионата и спросил, бывают ли на Черном море большие волны. Она ответила, что такие волны приходят ночью или во время шторма. Но во время шторма на пляж никого не пускают, а ночью, малыш, тебе нужно спать. Я замыслил побег.

Главной проблемой было решить как не заснуть ночью или заснуть некрепко, чтобы не проспать нужный момент. Ответ подсказала реклама подгузников, утверждавшая, что сон не так крепок, когда ты спишь мокрым.

Днём я притащил с пляжа две пустые бутылки из-под сока, налил в них воды и спрятал в кровати. Когда мама вернулась с танцевальной вечеринки и легла спать, я вылил одну бутылку себе на пижамку, вторую, для надёжности, в кровать, залез под одеяло и стал ждать. Метод работал. Мне было сыро, неуютно, но я был счастлив. Море шумело, шум нарастал, и я явственно слышал как перекатывается галька под тяжестью воды, как будто кто-то перетирает ее в своих ладонях.

До пляжа я добрался без приключений. Но оказалось, что вход на пляж на ночь закрывают на замок. Решетка, ограждающая территорию пляжа, не доходила до земли, и я принялся делать подкоп. У меня не было никакого инструмента. Я сгребал гальку голыми руками, иногда помогая себе пятками. Я ободрал в кровь коленки и пальцы рук, но добился своего, проник на пляж.

Волны оказались не такими большими как я рассчитывал, и их шум был уже не таким пугающим как из окна пансионата. Я лег поближе к кромке воды и заснул. Утром меня нашли служащие пансионата, пришедшие убирать принесенные ночным прибоем водоросли…

***

Эта квартира принадлежала моей бабушке, маминой матери. Дедушку я не знал совсем. Он умер, когда меня ещё не было на свете. Дедушка был врачом и умер на дежурстве в больнице. От него осталось приличное собрание книг по сосудистой хирургии на иностранных языках с множеством цветных картинок. Я их иногда от скуки пролистывал. А еще коллекция папиросных коробок, как оказалось, прекрасный строительный материал в моих руках. Коробок было очень много, и мне хватало их на замки и целые города. Шкаф с медицинскими книгами стоит в кабинете и сейчас, а вот куда подевались те самые папиросные коробки, не могу вспомнить. Некоторые из них очень вкусно пахли. Бабушка сердилась, когда я их обнюхивал и даже облизывал, и, наверное, понемногу выбрасывала. Но примечательнее всего были эпизодические воспоминания бабушки о дедушке, в ее изложении больше похожие на анекдоты.

Бабушка Екатерина Аркадьевна была филологом и всю свою учёную жизнь «просидела», как выражались ее подруги, на Батюшкове. О Батюшкове была написана кандидатская, а потом и докторская диссертации. В гостиной, одновременно и бабушкином кабинете,

повсюду лежали тезисы докладов на конференциях, вырезки с ее статьями из научных журналов, обрывки бумаги с какими-то цитатами. Став постарше, я пытался собирать из этих обрывков пазлы, чтобы составить связный текст. Иногда у меня это получалось, и тогда бабушка торжественно объявляла, что у меня врождённый филологический талант и в моей голове зреет мозг гения филологии.

Бабушка занимала профессорскую должность на кафедре русской литературы в университете и имела непререкаемый авторитет среди «батюшковедов». Мне казалось, что этот авторитет держался благодаря ее внешним данным.

Бабушка была крупной женщиной высокого роста с хорошо поставленным ораторским голосом. С таким голосом не поспоришь.

В обычной, ненаучной жизни высокий рост доставлял ей немалые неудобства. Так, она не пользовалась такси. Только в исключительных случаях соглашалась сгибаться в три погибели, чтобы влезть на заднее сиденье машины. Не любила стоять в очереди в кассу в продуктовом магазине. Потому что возвышаясь над толпой, выглядела, ей казалось, в глазах кассирши как народный контроль. Оттого кассирша нервничала, путалась в чеках и деньгах, и очередь замирала на одном месте.

Когда бабушка защитила кандидатскую диссертацию, дедушка решил сделать ей подарок и изготовить на заказ новый диван в гостиную под рост Катюши. Потом, когда деда не стало, она очень полюбила в кругу филологических подруг, уютно устроившихся на легендарном диване, освежать в памяти этот эпизод.

Дед нашел частного мастера по изготовлению мебели и пригласил его в дом, чтобы обсудить детали. Мастер, мужчина средних лет, выслушал пожелания заказчиков по внешнему виду дивана, по материалу обивки, дал свои дельные советы, нарисовал эскиз и в заключении попросил озвучить предполагаемые габариты. Дед отчего- то растерялся, и бабушка, взяв инициативу в свои руки, предложила мастеру:

– А вы измерьте меня, каков мой рост, таков будет и диван.

Легла на старенький диван, ноги вытянула, руки сложила на груди и замерла. Приготовилась к обмеру. Дедушка пришел в ужас, начал бегать вдоль дивана:

– Катюша, Катенька, что ты, Катя?.

А мастер рассердился:

– Чтой-то вы, дамочка, тут вытянулись? Я ведь не гроб вам буду делать, а диван.

Когда я слышал этот рассказ, то всегда вздрагивал при слове «гроб», а бабушкины подруги каждый раз очень веселились, как будто слышали впервые. Я подозревал, что они смеются над каким-то скрытым смыслом, недоступным мне по возрасту и по моей неиспорченности.

Впрочем, в их компании я бывал редко. Бабушкины подруги были равнодушны к моей персоне. Поэтому когда намечался очередной сбор, бабушка пекла мне пирожки с рыбой, которые я очень любил, варила компот из сухофруктов и накрывала для меня стол в моей комнате, бывшем дедушкином кабинете. Я уединялся и проводил вечер за чтением книг, заранее отобранных из бабушкиной библиотеки. Бабушка непременно подсовывала мне для такого случая томик Константина Батюшкова. Я не возражал.

Регулярно я стал ездить к бабушке с трех с половиной лет. Каждое лето мама отправляла меня в Питер на два месяца, а сама уезжала куда-то к своему любовнику, по совместительству моему мифическому, по мнению бабушки, отцу. Эти таинственные поездки неведомо куда очень беспокоили бабушку и моего старшего брата Владимира, которому, когда я родился, было уже 25 лет, он был женат и у него год назад появился ребенок, то есть мой племянник. Маме ко времени моего появления на свет исполнилось 44 года. Для них мамин поступок стал шоком, и они боялись, что поездки приведут к ещё одному семейному позору.

– Родит на старости лет ещё какую-нибудь неведомую зверушку вроде Генки мне и себе на погибель, – ворчала бабушка.

А брат нервно курил, пока мама давала поручения его жене Тамаре присмотреть за нашей квартирой.

Когда маме перевалило за пятьдесят, страхи постепенно испарились, но у бабушки остались раздражение, обида и боль на маму и злость на «этого недобитого фашиста, который всем нам испортил жизнь».

Она говорила так в сердцах, когда ей казалось, что я не слышу. Я слышал и прощал. У бабушки в блокаду погибли все родные. Сама она выжила чудом, потому ненавидела все немецкое. Иногда под бабушкину раздачу попадал мой брат, что давало мне повод фантазировать на тему его возможной причастности к маминому грехопадению.

Отца я не знал и никогда не видел, но очень его любил и ждал встречи с ним. Я был уверен, что у такого замечательного, как настаивала мама, мальчика не может быть плохого отца. Видел ли он меня, не знаю. Иногда мне казалось, что за мной как будто наблюдают, но, обернувшись с намерением поймать заинтересованный взгляд, никого подходящего не обнаруживал. На мои просьбы рассказать об отце мама смеялась и говорила, что у нее необъективный взгляд. Она сочинит что-нибудь такое, чего я потом не найду в нем, и меня постигнет разочарование. Такой ответ меня обижал, но в тоже время давал пусть неверную, но надежду, всё-таки когда-нибудь с ним познакомиться.

Бабушка не выражала восторга по поводу моего прибытия, но я чувствовал, что она мне рада. Ей не удалось понянчиться со старшим внуком, и весь свой нерастраченный бабушкинский талант она отдала мне.

Пока я был мал, лет до семи, мы сразу же уезжали с ней на дачу, старый каменный дом с двускатной крышей, больше похожий на сарай и ужасно холодный. Приходилось каждый день топить камин, а еду готовили на дровяной плите. Местные жители называли наш дом «чёрным». Во время дождя камень, из которого был сложен дом, становился черного цвета. В доме было несколько комнат, все они были закрыты на ключ, кроме гостиной с камином. Бабушка запрещала мне даже мечтать о том, чтобы зайти в одну из запертых комнат. Сама она обходила их каждый день и открывала форточки для проветривания. Как правило, когда меня не было в доме.

В годы войны в этих местах стояли финские войска. Мы с соседским Пашкой сочинили историю, что в нашем доме находился финский штаб. И в одной из комнат, а может быть во всех, остались запертыми офицеры финской армии. Нам рисовалась жуткая картина, как их скелеты в форменных кителях и фуражках до сих пор сидят за столом. Бабушка, должно быть, проверяла не рассыпался ли кто-то из них на кучку костей.

При доме был небольшой участок с несколькими грядками, кустами малины и черной смородины и старым грушевым деревом. Отличное место для моих детских забав, которые мы устраивали с Пашкой. Он был старше меня на три года, но почему-то охотно вёлся на мои причудливые выдумки.

Однажды я уговорил его выследить, когда бабушка откроет форточки, и залезть в комнату, два окна которой выходили на заросли малины. Окна были плотно зашторены и что-либо разглядеть в комнате с улицы было невозможно. Я легко проскользнул в форточку вперед головой, опустился на широкий подоконник и наполовину раздвинул штору. Когда я развернулся лицом в комнату с намерением спрыгнуть на пол, волосы у меня на голове зашевелились, а ноги стали ватными. Я замер от ужаса. Тусклый дневной свет упирался в противоположную стену. Там в промежутке между шкафами стоял скелет в накинутом на плечи пиджаке. Тут меня что-то толкнуло сзади. Я свалился на пол и дико заорал. От окна раздался еще более дикий крик. Это Пашка застрял в форточке. Его ноги дрягались в комнате, толстая задница закупорила форточку, а голова издавала вопли снаружи.

Потом, когда нас спасли, как нам казалось, от неминуемой гибели, Пашкин отец отлупил его ремнем. Я слушал Пашкины вопли и завидовал ему.

После этого приключения бабушка объяснила, что в комнате когда-то находился дедушкин рабочий кабинет. А скелет – это всего лишь наглядное пособие. Всё так просто. Жаль, что наша с Пашкой красивая фантазия потерпела крах.

Иногда, когда не находилось желающих приютить меня маленького на несколько часов, бабушка брала меня с собой в университет. Во время лекций я устраивался в первом ряду аудитории и с восторгом слушал, как бабушка ловко управляется с незнакомыми мне словами, выстраивая из них целые фразы. Во время экзаменов мне разрешались некоторые вольности. Заложив руки за спину, я важно прогуливался вдоль рядов, где студенты готовились к ответу, потешая их своим видом. Обстановка создавалась непринужденная, чуть ли не домашняя.

Я очень любил, когда к бабушке домой приходили на консультацию аспиранты, особенно если это были мужчины. Они приветствовали меня по-деловому:

– Привет! Как дела? В порядке? Молодец, так держать!

И тут же проходили в библиотеку, где их ждала бабушка. А я хватался за карандаши и бумагу и изображал из себя занятого очень важным делом мальчугана – исписывал листочки каракулями. Когда очередной аспирант уходил, он непременно спрашивал, чем это я тут занимаюсь, и я серьезно отвечал:

– Пишу письмо папе.

После их ухода я пытался примерить образ молодого человека, подошёл бы он мне в качестве папы или нет. Вопрос всегда оставался без ответа, потому что появлялась из библиотеки бабушка и отвлекала меня от философских размышлений какой-нибудь забавой.

Когда я научился писать, я действительно стал сочинять папе письма на маленьких кусочках бумаги и опускать их в керамического слона – копилку для монет, импровизированный почтовый ящик. Меня этот процесс очень занимал. Копилку делал, видимо, человек с юмором, потому что отверстие для монет было сделано под хвостом у слона. Хвост был задран вверх и закручен спиралькой. Однажды я этот хвост отломил, пытаясь чересчур усердно запихнуть внутрь слона очередное письмо. Похоже, копилка уже переполнилась моими посланиями.

Я испугался и разозлился одновременно от этой неудачи и выбросил слоника вместе с моими письмами, денежками, положенными туда неизвестно кем, с балкона бабушкиной квартиры во двор. Осколки копилки и монетки разлетелись по тротуару, газону, цветникам, а письма через несколько дней унесло куда-то сквозняками, постоянно гулявшими в нашем дворе.

Дворник дядя Коля сгреб деньги с тротуара в кучку и забрал их себе, а потом устроил следствие, кто же это разбрасывается деньгами. Он обошел квартиры в соседнем подъезде, а в нашем дошел только до третьего этажа. Его расспросы привлекли внимание детворы, старушек и местных пьяниц. Все лето на газоне копошился народ, выискивая в траве разлетевшиеся из копилки деньги. Я сам однажды нашел старую монетку в пять копеек и отдал ее неопрятному дяденьке в стоптанных башмаках.

Бабушка или никак не связала это событие со мной, или намеренно молчала, чтобы не травмировать меня лишний раз напоминанием об отсутствующем в моей жизни отце.

Мама подстригала меня «а ля паж». Длинные волосы цвета прошлогодней соломы доставали до плеч, крайние пряди слева и справа от лица закручивались рожками. Когда я впервые появился у бабушки на работе, мне, кажется, шел шестой год, все присутствующие на кафедре начали ахать, восхищаться:

– Ах, какой милый ребенок! Екатерина Аркадьевна, откуда у вас такое чудо?

А одна дама догадалась спросить:

– Как тебя зовут, девочка?

Я на автомате, не обратив внимания на слово «девочка», ответил, как меня научила мама, когда я пошел в детский садик:

– Меня зовут Генрих Валентинович, Большая Черкизовская, 34б, квартира 75.

В комнате повисла мертвая тишина. Я не понимал, почему. Обычно после моего представления в таком духе окружающие весело смеялись. Бабушка взяла меня за руку и отвела в дальний угол возле окна.

– Вот что, Генрих Валентинович, посиди-ка тут тихо и нам не мешай.

Я честно выполнил ее поручение и почти два часа провел за разглядыванием хмурых невских волн, видимых из окна кабинета.

По дороге домой мы зашли в парикмахерскую, и меня подстригли «под мальчика».

– Ну, вот, теперь похож на мужичка, – приветствовала меня бабушка, когда мастер вывела новоиспечённого мальчика из «подстригального» зала в холл салона.

Мне эти слова очень польстили, и я втайне надеялся, что стал похож на папу. Мама потом высказала бабушке недовольство таким самоуправством, но очевидно ей всё-таки понравился мой новый облик.

Когда я стал постарше, мы сначала недели по четыре жили в городе. Бабушка водила меня по театрам, выезжали в пригороды, ходили по магазинам, музеям.

Однажды мы даже выбрались в музей-усадьбу бабушкиного кумира Батюшкова в Вологде. Там ее встретили как родную. Нас напоили чаем с сухарями с орехами. Бабушка преподнесла музею в дар какую-то находку из своей коллекции.

Мне очень нравился рыцарский зал в Эрмитаже, и я был готов ходить туда хоть каждый день. Когда мы с бабушкой пришли туда первый раз, я, стоя перед витриной с рыцарскими доспехами, пообещал себе, что когда вырасту, обязательно примерю их на себя. Железно!

А вечерами начиналось мое учение-мучение. Второй бабушкиной страстью после Батюшкова была гитара. Она отлично играла и пела романсы, русские песни и могла переложить на гитарный лад понравившиеся ей современные и классические мелодии. Передо мной была поставлена задача научиться играть лучше, чем она сама. В награду мне была обещана внушительная папка нот салонной музыки первой половины девятнадцатого века, если я дорасту до сознательного возраста и не погибну под гнетом «проклятой немецкой сентиментальности».

Когда я рассказал маме о моих гитарных страданиях, она засмеялась и сказала, что когда-то из-за этой гитары сбежала из дома в Москву после окончания школы . А ещё из-за Батюшкова. Маме я ничего не обещал, а про себя решил, что обязательно научусь играть на гитаре. Железно. Да и Батюшков не так уж плох, особенно под гитару.

Одной из первых песен, выученных мной при свете белых ночей, была «Катя, Катерина, маков цвет…». Бабушка ее очень любила и просила к месту и не к месту, чтобы я ее сыграл. На сборище филологинь это было обязательно. Бабушкины подруги, также как и она сама, были в том возрасте, когда позволено все, и не стеснялись выражать свои эмоции. Так я объяснял себе то, что они смеялись надо мной, я считал, что надо мной, когда я играл и, особенно, когда пел. А ещё изрядной долей коньячка из бабушкиных запасов, собранных от щедрот благодарных студентов и аспирантов и в поездках по многочисленным научным конференциям. Хотя признаю, что вид ребенка, изображавшего влюбленного барда, был комичен по-любому.

Филологини любили играть в карты. Если затевалась игра, меня отправляли на седьмой этаж за Александром Павловичем, строгим стариком, профессором биологии , и начиналась потеха. Дамы объединялись против мужчины единым фронтом, проявляя чудеса в технике «блеф». Но Александр Павлович был непобедим. Я праздновал его триумф вместе с ним и очень гордился им.

Я был бы рад, если бы он был моим дедушкой. У нас в классе у всех были дедушки и даже не по одному. Пусть у меня нет папы, так хотя бы был дедушка. Александр Павлович иногда

приглашал меня сходить вместе в магазин или в аптеку. Я помогал ему донести покупки до квартиры. Когда я подрос, он соглашался принять меня у себя дома, пока бабушка отлучалась по своим делам. Александр Павлович жил с семьёй дочери, но днем все уходили на работу, и мы развлекались на просторе. Там я научился тоже играть в карты и стал оттачивать свое мастерство на бабушке. Сначала я боялся, что она мне будет подыгрывать, но многолетняя привычка муштровать студентов оказалась у бабушки сильнее жалости ко мне.

Последнее проведенное у бабушки лето было тревожным. Мама заболела и никуда в этот раз не поехала. К бабушке меня отвёз брат на своей машине.

Я очень любил брата. Лишенный мужского общения в нашей с мамой полусемье, я тянулся к нему изо всех сил. Мама, воспитывая меня в одиночку, нередко прибегала к помощи тети Тамары, оставляя меня на ее попечение, если не было другого выхода. И я много времени проводил вместе с братом и его женой. Мама рассказывала, что когда я начал учиться говорить, показывая на брата, твердил: «Папа, папа». Брат смеялся, грозил мне пальцем и настаивал:

– Скажи Вова. Гена, скажи Вова.

Я долго не мог научиться выговаривать его имя. У меня получалось что-то вроде «Вопа». В нашем классе ни у кого не было таких взрослых братьев как у меня.

Решено было, что я побуду в Питере всего лишь месяц. Бабушка, услышав новость о маминой болезни, заплакала. Вовка увел ее на кухню, а я прошел в гостиную и сел на диван. Оттуда мне были слышны бабушкины причитания и произнесённое Вовкой почти шепотом слово «рак». Бабушка вскрикнула, и потом уже начала громко сыпать проклятия в адрес «недобитого фашиста». Я не понимал, как мамина болезнь может быть связана с моим отцом, и оттого мне было не по себе. Моей благодарности в адрес брата не было предела, когда он стал успокаивать бабушку и сказал:

– Не надо так, бабушка, говорить о Вальтере. Ведь мама его любит и он отец Генриха.

Мы сразу же уехали с ней в Ольгино. Бабушка целыми днями копошилась в своих грядках или как привидение бродила по дому, звеня ключами от запертых комнат. Я пытался утешить её игрой в карты, но все же старался особенно не докучать и вместе с Пашкой носился на велосипеде по поселку или по шоссе вдоль залива, рискуя влететь в лоб встречной машине.

Пашка был заядлым рыболовом и очень хотел меня, как заядлого «рыбожора», пристрастить к своему увлечению, но меня совершенно не интересовала водная стихия. Я соглашался сопровождать его в вылазках на залив, чтобы пока он рыбачит, без устали смотреть на волны либо лежа на дне лодки сочинять фантазии с облаками в главной роли, иногда засыпая под мерное покачивание нашего хлипкого суденышка. Как-то Пашку это разозлило, и он посоветовал мне вместо того, чтобы дрыхнуть, написать отцу письмо, засунуть его в одну из пластиковых бутылок из-под воды, валявшихся на дне лодки, и бросить в залив. Есть шанс, что бутылку прибьет к германскому берегу Балтики.

Я загорелся этой идеей. Бабушка хранила в ольгинском доме несколько старинных бутылок из разноцветного стекла. Я стащил одну из них, по моим понятиям не очень ценную, поскольку бабушка ходила с ней в местный магазинчик за подсолнечным маслом. Пришлось постараться, чтобы отчистить бутылку от масла. В ход, в основном, шел песок со дна залива. Пробки у бутылки не было. Бабушка использовала по старинке затычку из скрученной бумаги. В шкафчике, где стояла бутылка, нашлась свечка. Что такое сургуч, который применяли в древние времена моряки для запечатывания бутылок, я не знал. Меня вполне устраивала свечка. Ранним утром, солнце ещё не встало, а местные рыбаки, похоже, досматривали сны, я забросил бутылку со своим посланием как можно дальше и тут же убежал, чтобы не видеть ее беспомощного трепыхания в волнах утреннего бриза. И забыл о ней навсегда. Мне стало легко и спокойно, словно с этой бутылкой выбросил из головы и сердца пустые надежды и мечты.

На другой день пришел срок идти в магазин за новой порцией масла. Бабушка долго искала бутылку, не нашла и решила, что забыла её в прошлый раз в магазине. Бабуля страшно

расстроилась, что ее настиг старческий недуг, и начала сыпать проклятия в адрес местного населения, утаившего забытую бедной старушкой тару. Меня она не стала спрашивать. Видимо, не придумав, для чего бутыль мне может понадобиться. Мне стало жалко бабушку и ни в чем неповинное население и я соврал, что разбил ее. Бабушка обрадовалась, что в пропаже виновата не её старческая забывчивость и даже не попыталась, по своему обыкновению, хлестать меня полотенцем. Только ещё долго удивлялась, как же меня угораздило разбить такой толстый сосуд. Это же надо специально постараться! Сама она не единожды роняла эту проклятую бутыль на каменный пол кухни и ничего.

– Это у тебя к счастью, сынок.

Я чуть было не закричал:

– Бабуш, это, наверное, мама поправится! Это самое лучшее счастье!

Но вовремя вспомнил, что бутылку не разбивал. Какое уж тут счастье?

Чаще всего Пашка уплывал на залив один, а я оставался на пирсе и самозабвенно разбирал и собирал наши велосипеды. Меня пьянил запах смазочного масла, ржавчины, нагретого на солнце железа…

В ящике под старой грушей у меня был целый арсенал всякого железного добра. Вовка всё обещал купить мне набор слесарных инструментов, но я не посмел в этот раз напомнить ему об этом. Ясно, что всем не до меня. У всех большое горе. А я маленький, и горе мое маленькое…

Восьмого сентября мне исполнилось одиннадцать лет. Мы с мамой решили не праздновать мой день рождения, а сходить в гости к Артёму, маминому внуку и моему племяннику. У того день рождения десятого сентября. Ему исполнялось двенадцать.

Через две недели мамы не стало.

Я ревел день и ночь до самых похорон и, наверное, выплакал все слезы до конца своих дней. Затуманенные слезами глаза не различали лиц. Народу собралось неожиданно много, но я никого не узнавал. Только по голосу понял, что приехала бабушка. Ее голос был грозен, и я понял, что где-то рядом находится «недобитый фашист».

Из всей церемонии я запомнил только темно-вишневый гроб с завитушками по бокам, обилие цветов и мамины руки. На ее лицо я не смотрел. Оно было чужое, неузнаваемое. А руки были мамины: узкие запястья и ладони, тонкие аккуратные пальцы с закругленными блестящими ногтями. Когда я был маленьким, любил лизать эти ногти. Руки были сложены на груди, и мизинец верхней руки как-то сильно оттопырился в сторону. Меня неодолимо тянуло поправить этот мизинчик.

Я стоял весь в слезах и соплях у самого гроба, а сзади меня дышала шушукающая толпа. Я услышал, как какая-то тетка сказала своей соседке, что болезнь могла спровоцировать поздняя беременность. Мне было привычно, что за моей спиной всегда звучали какие-то недомолвки, перешептывания. Я сразу догадался, что тетки имеют ввиду меня, и собрался зареветь в голос. Как вдруг чья-то мужская рука взяла мою озябшую мокрую от слез руку в свою и крепко сжала. Рука была теплая и мягкая, и я передумал реветь. Когда началось прощание, рука куда-то исчезла.

Прощаясь с мамой, я не стал тянуться к венчику на ее лбу, хотя брат предлагал меня приподнять. Я просто пожал ей руку, и мизинчик встал на место. Рука была холодная и какая-то липкая.

Бабушка не дала мне смотреть, как будут закапывать гроб, и вывела за ворота. Мы подождали, когда все выйдут с кладбища, рассядутся по машинам и уедут в ресторан на поминки. Затем вернулись домой. Меня знобило. Бабушка сделала мне кружку горячего какао и уложила в постель.

– Спи, мой ненаглядный. Теперь у тебя на небесах есть ангел-хранитель. Он будет тебя оберегать.

– Бабуш, а я смогу его увидеть?

– Кого увидеть, мой ненаглядный?

– Ангела. Мне нужно сказать ему кое-что важное.

– Вот этого я не знаю. Может быть, кому-то выпадает такое счастье увидеть своего ангела. Но я таких людей не встречала.

– А может быть, это секрет? Может быть, об этом нельзя рассказывать?

– Может быть. Отдыхай, мой ангел.

Я закрыл глаза и провалился в какую-то яму, где меня качало из стороны в сторону. Сквозь забытье мне слышались мужские голоса. Слов было не разобрать. Голова гудела, и каждый звук отдавался в ней, как от стенок пустого металлического ведра. Потом я разобрал, что говорит бабушка. Смысл сказанного ускользал, но я прекрасно изучил все оттенки ее голоса. Сейчас она явно кого-то отчитывала. Тут я заснул окончательно и проспал до девяти часов вечера. В девять часов меня разбудил брат и отвёз нас с бабушкой к себе домой.

На другое утро в квартиру брата опять набилась толпа родственников. Собирались ехать на кладбище. Когда клубок родни немного поредел, бабушка собрала меня, и мы уехали с ней в Питер. Наш отъезд был похож на бегство. Бабушка была нервная, торопилась. Она как будто увозила меня от надвигающейся опасности.

Когда мы уезжали, в Москве стояла прозрачная золотая осень. А в Питере лили сплошные холодные дожди. Мы целыми днями сидели взаперти в квартире. Отопление ещё не включили, и мы больше времени проводили на кухне поближе к теплой плите. Я лежал на кухонном диванчике и читал книги из бабушкиной библиотеки или часами висел на подоконнике, пугая бабушку несвойственным мне продолжительным молчанием.

Из окна шестого этажа в прямоугольнике нашего двора мне был виден дворовый сквер и питерское чаще серое осеннее небо с нагромождениями темных туч. Оно напоминало мне море из фильма-сказки о царе Салтане.

А бабушка вязала крючком кружевные салфетки. Это была ее третья страсть. Куда она сбывала эти салфетки, мне неизвестно. В квартире я не видел ни одной.

Как-то случились целых три погожих дня. Мы выбрались на дачу и потихоньку перевезли в город небогатые огородные удачи. Так бабушка называла урожай со своих грядок. Обычно она нанимала для этих целей университетскую машину, но поскольку в этот раз была налицо дополнительная рабочая сила, то есть я, мы справились без машины. Бабушка была великая мастерица по супам. Я наблюдал за ее манипуляциями с привезенными с дачи овощами, как привык это делать с мамой. Видя мой интерес, бабушка увлекалась и за один вечер готовила несколько супов. Потом мы их ели целую неделю.

В конце октября за мной приехал брат. Приближался сороковой день, да и в школу нужно было возвращаться.

Перед отъездом бабушка решила нарушить траур и сыграть нам с Вовкой любимую мамину мелодию песни из кинофильма «Разные судьбы».

В дни траура на меня напал конфетный жор. Я таскал конфеты из бабушкиного буфета, нимало не заботясь о том, узнает она или нет. При этом конфеты я не ел с пяти лет. После того, когда мама наказала меня за побег к морю, лишив на три дня сладкого. Я понял, что в руках взрослых это мощное воспитательное оружие, и обещал себе больше никогда не есть конфет. При моей железной воле это было несложно. Теперь же я никак не мог остановиться. Фантики от конфет я скручивал в шарики и бросал в нутро гитары.

Бабушка взяла гитару, стоявшую на спинке дивана, и на нее посыпались мои шарики. Она разъярилась и обозвала меня хулиганом, а брат влепил мне звонкую затрещину. Я убежал на кухню, схватил из вазы горсть конфет, вернулся в комнату и устроил конфетам публичную казнь. Съел все до одной перед онемевшими бабушкой и братом. Когда экзекуция закончилась, бабушка встала и ушла в комнату собирать мои вещи, а мы с Вовкой стали вытряхивать из

гитары шарики. Непростая, скажу я вам, работка. Последние шарики никак не хотели вытряхиваться.

Следующий год я жил в семье старшего брата. Мне было тяжело. Я страшно завидовал Артёму. Ведь у него были и отец и мать. Артем был привязан к отцу, и в доме целыми днями слышалось «папа, папа». Однажды я тоже назвал своего брата папой и не сразу понял, что оговорился. Только удивился, что Вова посмотрел на меня как-то задумчиво.

Летом мы всем семейством поехали в Крым в Феодосию, где жил дед моего брата. Очень колоритный ещё мощный старик, всю жизнь проплававший на торговых судах, приписанных к Ленинградскому порту. Мне казалось, что моя бабушка и дед Илья очень бы подошли друг другу. Жаль, что они не встретились в Питере, хотя вполне могли бы.

Вова с Тамарой побыли с нами две недели, а потом уехали, оставив Артема и меня на попечение деда Ильи и его жены Веры. Старикам не было до нас дела, и мы целыми днями были предоставлены сами себе.

Мы жили в степной части Феодосии, довольно далеко от моря, но дружба с местными пацанами, обладателями велосипедов, мопедов и даже мотоциклов, решала все проблемы. Артем играл с мальчишками в пляжный волейбол или с восхищением наблюдал за их соревнованиями по прыжкам в воду со скалы. А я часами бродил по песчаной кромке у воды и ловил голыми ногами теплые неспешные волны прибоя.

Волна окутывала мои ноги по щиколотку, замирала на доли секунды и потом также неспешно уходила. Во время паузы мною овладевало чувство безмятежного покоя, защищённости от неведомых невзгод, гармонии со всем миром. В голове роились красивые фантазии со счастливым концом.

Это было чудесное лето, и я совсем забыл о бабушке, пока она сама мне не позвонила. Она сожалела, что я не приехал к ней этим летом, а на прощание сказала, что увидимся на годовщину маминой смерти. Мне сразу стало больно и захотелось домой, где у меня на столе стояла ее фотография.

Годовщина маминой смерти приходилась на понедельник, поэтому решили устроить поминки накануне в субботу. Бабушка приезжала дневным поездом в пятницу. У Вовы был рабочий день, и он поручил мне самому встретить бабушку. За мной приехала его служебная машина. Я волновался от серьезности и ответственности за порученное дело и всю дорогу до вокзала твердил как молитву госномер машины, боясь, что когда выйду с бабушкой с территории вокзала, не смогу ее найти. Но на мое счастье шофер пошел к поезду вместе со мной. И это оказалось очень кстати. Увидев меня, бабушка прослезилась, как-то вся обмякла, и мы с трудом довели ее до машины. Я тоже расстроился, у меня задрожала нижняя губа и по щеке скатилась слеза. Шофер, молодой парень, по-моему, испугался и не знал как нас успокоить.

Вечером я услышал, как бабушка говорила Вовке:

– Геночка как вырос! Стал таким серьезным и как-будто чужим. И всё больше молчит.

Что ответил брат, я не расслышал. Мне стало грустно и жаль бабушку.

На другой день все прошло благополучно, правда, очень долго. Сначала долго слушали службу в церкви, потом пошли к могиле. Брат успел установить памятник. На памятнике была моя любимая мамина фотография. Та самая, которую я держал у себя на столе. На ней мама была молодая, улыбалась немного застенчиво, словно смущалась того, кто ее фотографировал.

На поминках в этот раз было несколько человек детей. Нас посадили за отдельный стол, и брат сказал мне:

– Руководи, Генрих. Ты хозяин, а ребята твои гости.

Хозяйские заботы не давали мне отвлекаться на слезливые речи взрослых и я мужественно выполнил свою миссию.

Ночью мне впервые после смерти приснилась мама. Я проснулся и долго лежал с открытыми глазами, слушая тихий шелест дождя за окном и ожидая рассвета. Когда немного забрежжило, я встал и пошел на кухню.

Сначала смотрел бесцельно в окно, потом взял книги, привезенные мне бабушкой по моей просьбе, и стал читать «Два капитана». На книге маминой детской рукой было написано «Мамин подарок на мой двенадцатый день рождения». Восьмого сентября мне тоже исполнилось двенадцать. Бабушка не одобряла надписи на книгах, и оставляла эту привилегию только великим. Батюшкову, например.

Вскоре ко мне присоединился брат. Он долго курил на балконе, потом возился у плиты, шуршал пакетами в холодильнике. Я понял, что он хочет мне сказать что-то важное, возможно, не очень приятное, и никак не решается начать.

Я отодвинул книгу и посмотрел на него. Наши взгляды встретились и, мне показалось, что Вова вздрогнул. Он сел напротив и сказал без предисловий, что вчера звонил мой отец и опять просил забрать меня к себе на какое-то время. И решить, как ему ответить, могу только я сам.

Я ждал чего-то подобного, только не ожидал, что отец просил об этом уже не первый раз. Мне ничего не говорили. Ответ у меня был заготовлен давно:

– Я не хочу жить у чужого дядьки. Я его не видел никогда.

Вовка удивился:

– Как не видел? Ты забыл, как год назад сидел у него на коленях и своими соплями пачкал его траурный костюм? Вы с ним на похоронах стояли рядом. Он тебя держал за руку.

Костюм я не вспомнил, но вспомнил теплую и мягкую ладонь, и захотелось пустить слезу.

– Хорошо, – сказал я. Но сначала посоветуюсь с бабушкой.

Брат потрепал меня по волосам и сказал:

– Ты молодец, парень.

Отец приехал за мной в декабре. Он оказался почти таким, каким я его себе представлял. Не Черномором, но тоже очень серьезным и… старым. Нет, не так. Не старым, а чуточку старше, чем я рисовал его в своих мечтах. Но всё равно, он мне очень понравился. Хотя я сразу же решил, что пока не буду в этом признаваться. Пусть не воображает себе! Первое, что я сделал, когда мы познакомились, взял его за руку. Ладонь была та самая. Он говорил по-русски почти без акцента. Непривычно звучало в его произношении мое имя – Хайнрихь…

В последнее августовское воскресенье перед первым сентября, когда я должен был пойти в первый класс, мы с мамой поехали в парк Горького. Мама была очень веселой, рассказывала смешные истории из Вовкиной школьной жизни, покупала мне игрушки и вкусности, водила на аттракционы. Меня даже посадили на живую лошадь и провели вокруг большой клумбы. Мама всячески старалась меня развеселить и порадовать. Но мне отчего-то было грустно и ничто не радовало.

День был очень жаркий. В парке было много людей и все что-то жевали, привлекая полчища ос, которых я боялся. Лошадь подо мной дурно пахла. Одуряюще пахли мелкие беленькие цветочки на клумбах посреди широкой аллеи, где мы шли. Меня начинало мутить.

Мы дошли до перекрестка и сели на скамейку, чудом оказавшуюся свободной. Наверное, потому, что она стояла на самом солнцепеке. Мы посидели немного, а потом мама предложила сделать еще одну фотографию.

– Я сейчас попрошу кого-нибудь нас сфотографировать.

Она пошла на противоположную сторону, где был небольшой тенек от акациевых кустов и где было больше людей. Мама подошла к мужчине в светлых брюках и белой рубашке, что-то ему сказала и вернулась ко мне. Мужчина подошел к нам поближе, стал подбирать лучший ракурс и вдруг попросил:

– Хайнрихь, улыбнись, пожалуйста!

Я засмеялся, так чудно прозвучало мое имя. Мужчина тоже засмеялся, прищурив серые глаза.

Когда мы ехали домой, у меня в голове вертелся какой-то вопрос. Очень важный вопрос, и я непременно должен был задать его маме. Я вспомнил его вечером, когда мы с мамой стали рассматривать сделанные за день фотографии.

– Мама, тот дяденька назвал меня по имени. Откуда он знает, как меня зовут?

– Это я ему сказала. Я подошла и попросила сфотографировать меня и моего сына Генриха.

– А почему ты выбрала его? Там же было много людей.

– Ну, он мне понравился, показался мне симпатичным.

– Он мне тоже понравился. А как его зовут? Ты спросила, как его зовут?

– Нет, Гена, не догадалась.

– Я бы спросил. Вдруг он захотел бы с нами подружиться.

– Давай тогда сами придумаем ему имя. Какое тебе больше нравится?

– Нет, я так не хочу. Давай лучше в следующий раз опять туда съездим. Вдруг он тоже придет в парк.

Я очень надеялся, что так и случится. Поэтому не стал спрашивать маму, почему он фотографировал нас на свой телефон.

Через два дня я пошел в школу. Новые впечатления загородили от меня тот странный воскресный случай..

Когда отец приехал за мной, я все время пытался украдкой заглянуть в его серые глаза.

На мои проводы вызвали бабушку. Она была молчалива и ни во что не вмешивалась. Все решали мой брат и мой отец. Они как-то очень быстро спелись, и я предположил, что они давно знакомы. Уезжая, я взял с собой мамину фотографию и две ее книги – «Два капитана» и сборник стихов К. Батюшкова в серии «Библиотека поэта». Мама сказала бы, что я не по возрасту старомоден.

Сушеный тритон

Я познакомился с Вальтером в Тунисе, куда мы поехали с Тамарой в свадебное путешествие. Вальтер и его жена Лина, пара приехала из каких-то южных земель Германии, были нашими соседями на пляже перед бассейном отеля. Вальтер услышал русскую речь и поинтересовался, откуда мы. Его русский был почти безупречен, если не считать чересчур мягкие согласные в некоторых словах. Мы разговорились и до конца нашей путевки у нас нашлась не одна интересная тема для продолжительных бесед.

Оказалось, что он иногда бывает в Москве по служебным делам фирмы, в которой работал. Я рассказал ему о маме, работавшей переводчиком с немецкого в конструкторском бюро и неоднократно ездившей в Германию во времена ГДР.

Я заметил, что Вальтер и Лина были очень независимы друг от друга. Они могли поодиночке выходить на пляж, отправляться на экскурсии по разным маршрутам, проводить вечера в разных компаниях. Мне стало любопытно, и я спросил, действительно ли они муж и жена. Вальтер засмеялся и сказал, что у них что-то вроде внутридинастического брака , который предписывает соблюдать некоторые условности, а быть друг у друга на виду все двадцать четыре часа не обязательно. Детей у них не было.

Накануне нашего отъезда Вальтер и Лина пригласили нас в ресторан. Прощаясь после приятно проведенного вечера, я предложил Вальтеру созвониться, когда он будет в Москве в следующий раз, и пригласил к нам в гости.

Звонок раздался через полгода. Мама была в это время в отпуске и занималась ремонтом квартиры. Я позвонил ей и попросил придти к нам помочь Тамаре накрыть стол по-европейски и потом остаться посидеть с нами в качестве знатока германской культуры.

Вечер прошел замечательно. Было заметно, что Вальтер доволен. Мама не ударила в грязь лицом и развлекала гостя по полной. Они мило щебетали то по-русски, то переходя на немецкий. Мы с Тамарой тоже были довольны собой и, наверное, поэтому не заметили, когда вспыхнул тот адский огонь…

Нашему сыну Артёму исполнилось шесть месяцев. Мама пришла поздравить нас и внука с праздником. Она очень изменилась за последнее время. Кожа на лице как будто подтянулась, на плечи волной сыпались густые блестящие волосы, в глазах прыгали огоньки. С какого-то момента Тамара стала бросать на маму странные взгляды, а когда она ушла, недоуменно спросила меня:

– Мать как будто беременна?

Я опешил:

– Что ты мелешь? Тебе приснилось?

– Мне показалось, что у нее животик как на четвертом месяце. Может, это опухоль. Ты бы поговорил с ней. При опухолевых заболеваниях главное вовремя поставить диагноз.

Ночью я не мог заснуть. В голову лезли страшные мысли. Как же мы будем жить, если это действительно опухоль? За мамой придется ухаживать. А бабушка? Она уже в возрасте. Как она переживет известие о болезни дочери?

На другой день после работы я помчался сломя голову к матери. Она выслушала меня и, глядя мне прямо в глаза и нисколько не смущаясь, ответила, что да, она беременна, у нее скоро родится ещё один сын, его отец ее любимый мужчина и она очень счастлива.

Я потерял дар речи. Мне было стыдно возвращаться к жене, страшно было звонить бабушке. Несколько месяцев до рождения ребенка я не показывался в мамином доме, где вырос и где меня знала каждая собака. Мне было стыдно всех и вся.

Я избавился от этого комплекса только тогда, когда поехал за мамой в роддом и принял ребенка из рук медсестры. В этот момент у меня под ложечкой приятно ёкнуло, точно также, когда год назад я взял свёрток с собственным сыном. В голове все перепуталось, и я с трудом соображал, кого же я несу на руках – брата, сына? Ну, мать!

Все время до рождения Генки я маялся вопросом, кто же его отец. Мать категорически отказывалась отвечать, вернее, она как будто не слышала меня. Я перебрал всех знакомых, когда либо пересекавшихся с ней. Даже как-то явился в конструкторское бюро, где она работала. Мужики там были, но все не в ее вкусе. Хотя за двумя я всё-таки последил пару недель.

Однажды меня посетили совсем дикие мысли. Может, ее изнасиловали и она стесняется в этом признаться? Мать была заядлой театралкой, моталась черти куда за модными постановками и нередко добиралась домой за полночь. Так что вполне могло быть. Только отчего же она сияет как медный таз?

Была еще одна мысль, что она закрутила новый роман со своим бывшим мужем, моим отцом. Отец жил в Мурманске, иногда бывал в Москве проездом, когда ездил навестить своего отца в Феодосию, и забегал к нам. Он приезжал на мою свадьбу и почти неделю жил у мамы. Почему бы нет? Я был бы только рад. Я даже вспомнил, что в конце прошлого года она куда-то пропала и объявилась только после новогодних праздников. Нет, вряд ли. Отец, наверняка, плавал в это время где-нибудь в южных широтах.

Когда Генка родился, я на время отставил свои нелегкие думы. На его первый день рождения, ему исполнился месяц, приехала бабушка. Взглянув на внука, она воскликнула:

– Господи, спаси и сохрани! Ленка, шалава, ты с дьяволом что ли связалась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.